

¹Дюсекенев Д.Н., ²Дюсекенева И.М.

¹Alikhan Bokeikhan University, ²НАО Университет имени Шакарима
Қазақстан, Семей

e-mail: dyusekenev81@mail.ru, indiradyusekeneva@mail.ru

ИМАГОЛОГИЯ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В ДИСКУРСЕ РУССКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА И А.С. СОРОКИНА

Аннотация: В данной статье анализируется имагология Казахской степи и казахов-кочевников на примере рассказов Г.Д. Гребенщикова и А.С. Сорокина, где немаловажную роль сыграл прием самоориентализации в выстраивании собственного авторского мифа. Выявляются их связи с идеями сибирского областничества, а также с теорией русского ориентализма. Сибирь как Азиатская часть России (с автохтонами, имеющими экзотичную культуру и образ жизни) для «сибиряков» служила брендом, (который, как считали областники, могли репрезентировать только они, поскольку хорошо знали язык и культуру коренных жителей) и оставалась столь популярной как в начале XIX века, так и в начале XX века. В итоге автор приходит к выводу о том, что образ Казахской степи и казахов-кочевников был необходим авторам в качестве «восточной маски», изобличающей имперские пороки и собственный статус субалтерна.

Ключевые слова: Казахская степь, казахи-кочевники, имагология, русский ориентализм, субалтерн.

¹Dyussekenev D.N., ²Dyussekeneva I.M.

¹Alikhan Bokeikhan University, ²NJSC «Shakarim University of Semey»
Kazakhstan, Semey

e-mail: dyusekenev81@mail.ru, indiradyusekeneva@mail.ru

THE IMAGOLGY OF THE KAZAKH STEPPE IN THE WORKS OF G.D. GREBENSHCHIKOV AND A.S. SOROKIN IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN ORIENTALISM

Abstract: This article analyzes the imagology of the Kazakh steppe and the Kazakh nomads on the example of the stories by G.D. Grebenshchikov and A.S. Sorokin, where the technique of self-orientation played an important role in building their own author's myth. Their connections with the ideas of Siberian regionalism, as well as with the theory of Russian Orientalism, are revealed. Siberia, as the Asian part of Russia (with indigenous peoples with exotic cultures and lifestyles), served as a brand for the "Siberians" (which, according to the regionalists, could only be represented by them, since they knew the language and culture of the indigenous people well) and remained so popular both in the early 19th century and in the early 20th century. As a result, the author comes to the conclusion that the image of the Kazakh steppe and Kazakh nomads was necessary for the authors as an "oriental mask" exposing imperial vices and their own status as a subaltern.

Keywords: Kazakh steppe, Kazakh nomads, imagology, Russian Orientalism, subaltern.

¹Дюсекенев Д.Н., ²Дюсекенева И.М.

¹Alikhan Bokeikhan University, ²«Семей қаласының Шәкәрім атындағы Университет» КеАҚ,
Қазақстан, Семей

e-mail: dyusekenev81@mail.ru, indiradyusekeneva@mail.ru

Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВ ПЕН А.С. СОРОКИН ШЫҒАРМАЛАРЫНДАҒЫ ОРЫС ШЫҒЫСТАНУЫНЫҢ ДИСКУРСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ДАЛАСЫНЫҢ ИМАГОЛОГИЯСЫ

Аннотация: Бұл мақалада Қазақ даласы мен қазақ көшпелілерінің бейнелері Г.Д. Гребенщикова пен А.С. Сорокин әңгімелері бойынша, мұнда автордың өзіндік мифін құруда өзін-өзі бағдарлау техникасы маңызды рөл атқарды. Олардың сібір аймақшылдығы идеяларымен, сондай-ақ орыс шығыстану теориясымен байланыстары

ашылады. Сібір Ресейдің азиялық бөлігі ретінде (экзотикалық мәдениеті мен өмір салты бар автохтондары бар) «сібірліктердің» бренді болды (аймақшылдардың пайымдауынша, олар тек солар ғана көрсете алады, өйткені олар сол елдің тілі мен мәдениетін білетін) және 19 ғасырдың басы мен 20 ғасырдың басындағыдай танымал болды. Соның нәтижесінде автор Қазақ даласы мен қазақ көшпелілерінің бейнесі авторларға империялық келеңсіздіктерді әшкерелейтін «шығыс бетпердесі» ретінде және өздерінің бағыныштылық мәртебесін әшкерелейтін «шығыс маскасы» ретінде қажет болды деген тұжырымға келеді.

Түйін сөздер: Қазақ даласы, қазақ көшпенділері, имагология, орыс шығыстанушылығы, бағыныштылық.

Введение. Образ «другого» присутствует в любой культуре, являясь своего рода зеркалом, отражающим различия «своего». В настоящее время наблюдается повышенный интерес к инациональному образу, которым занимается имагология как область гуманитарного знания (Х. Дизеринк [1], Б. Нойманн [2], М. Швидерск [3], Й. Леерссен [4]). В русской культуре, несмотря на её «всемирную отзывчивость» [5] и протяженную границу с Казахской степью, что приводило к постоянным контактам в разные периоды истории, образы казахов рассматривались вместе с другими азиатскими народами. Получив репрезентацию в русской словесности, они стали предметом литературоведческого анализа в работах М.И. Фетисова [6,7], К.Ш. Кереевой-Канафиевой [8], Г.Г. Исаева [9], Г.С. Умарова [10]. Кроме этого, существует огромное количество статей, посвященных «казахскому тексту» в творчестве отдельных авторов, таких как Худенко Е.А. [11], Власова Г.И [12], Габдуллина В.И. [13]. Однако стоит отметить, что маркированные казахскостью образы в творчестве отдельных писателей рассмотрены более обстоятельно, чем у других. В данной статье мы бы хотели рассмотреть репрезентацию Казахской степи в творчестве таких сибирских писателей, как Г.Д. Гребенщиков и А.С. Сорокин. Исследованию казахских мотивов в авторском мифе А.С. Сорокина посвящена работа П.В. Маркиной: «Свою известность А.С. Сорокин представлял так: *«...я стал печататься на киргизском языке, как получил первую премию имени Байсун»*, – хотя достоверных сведений о премии нет. Эта премия-мистификация нужна была автору в качестве подтверждения своего статуса писателя-инородца» [14]. Романтическо-

фронтирные сюжеты с противопоставлением природного и цивилизационного начал рассматриваются в статье Т.П. Шастиной [15]. В.И. Хомяков относит А.С. Сорокина к «евразийцам» [16, 17]. Об евразийских идеях в творчестве Г.Д. Гребенщикова вслед за Ш.Р. Елеукуновым [18] пишет С.С. Царегородцева [19]. Однако, на наш взгляд, репрезентация инородцев империи не ограничивается евразийскими взглядами А.С. Сорокина и Г.Д. Гребенщикова. Создатель и идеолог Сибирского союза писателей В.Я. Зазубрин, утверждая, что такие писатели, как А.С. Сорокин – это *«люди, по-звериному влюблённые в таежные просторы Сибири»*, которым *«тяжела мысль о городе, о городской культуре, о лязге фабрик и заводов»* [20, 224]. По нашему мнению, на обращение А.С. Сорокина и Г.Д. Гребенщикова к казахским мотивам повлияли не столько «евразийские» идеи, которые сформировались в среде русских эмигрантов, а скорее областнические идеи, столь актуальные в сибирской среде того периода. Кроме того, анализируя эти мотивы, мы попытаемся выяснить причины обращения к казахской тематике, а также выявить роль русского ориентализма в репрезентации Казахской степи и казахов-кочевников – эти аспекты являются целью настоящей статьи.

Материалы и методы. Материалом исследования служат «степные» произведения А.С. Сорокина и Г.Д. Гребенщикова. Среди используемых в работе методов следует назвать сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный, культурно-исторический, структурно-семиотический.

Результаты исследования и обсуждение. Говоря о репрезентации Казахской степи, следует упомянуть об

основных аспектах теории русского ориентализма. Ставшие уже классическими работы Э. Саида «Ориентализм» [21], «Культура и империализм» [22], сформировали дискурс о Востоке как культурологического *subaltern'a*: «...ориентализм можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком <...> Общение при помощи высказываемых о нем суждений, определенных санкционируемых взглядов, его описания, освоения и управления им, – короче говоря, ориентализм – это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» [23, 10]. Развивая идею применимости ориентализма к российскому контексту, Н. Найт вводит понятие «неуклюжего треугольника» [24], поскольку в данном случае Россия была Востоком по отношению к Западу, а в отношении собственного Востока – Западом. Канадский исследователь Д. Схиммельпенник [25] придерживается похожего мнения, выявляя различные подходы западных и российских ученых к определению Востока как «Другого». То есть Россия причисляла себя к Западу по формированию и культурной ориентации, но также понимала, что Запад смотрит на Россию как на Восток. В своей монографии П.В. Алексеев отмечает, что «русский человек на Востоке» был также носителем идей русского ориентализма, в рамках которого Россия преодолевала европейские представления о себе как варварской стране восточного деспотизма при помощи ориентализации Востока и самоориентализации русского мира» [26]. Таким образом, в отличие от Запада, который воспринимал Восток как *alter ego*, в дискурсе русского ориентализма России необходимо было идентифицировать себя как с Западом, так и с Востоком.

Поскольку Г.Д. Гребенщиков и А.С. Сорокин были выходцами из Сибири (причисляли себя к «младосибирякам»), то

необходимо сделать оговорку о теории сибирского областничества, которая несомненно оказала влияние на их творчество. Идеологами этого движения были Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, которые считали, что отношения между европейской частью России и Сибирью носят неравнозначный, в своей основе колониальный характер. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, как и другие выходцы из Сибири, чувствовали «иное» отношение к себе (это чувство «инаковости» позже в их концепции оформится в идентичность «сибиряка»). Г.Н. Потанин, рефлексировав в позднем дневнике, ощутил это еще во время учебы в кадетском корпусе вместе с Ш. Уалихановым; «бельэтаж – это была Европа, нижний этаж – Азия. В бельэтаже учили танцам, а казаков в те же часы – верховой езде; в бельэтаже учили немецкому языку, а в нижнем этаже в те же часы – татарскому. Если в корпус отдавали киргизских мальчиков, то их помещали в казачью среду. Если бельэтаж считал себя солью земли, то мы чувствовали, что мы плебеи» [27, 42]. Н.М. Ядринцев в своей монографии «Сибирь как колония», связывал это с процессами культурного трансфера и метисизации: «Врезавшись в среду инородческого населения, русские преимущественно обинородчивались по окраинам, и от окраин, в большей или меньшей степени, влияние это распространилось на всю массу населения, так что инородческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где она не была в непосредственном соприкосновении с инородцами» [28, 50–51]. Поэтому неудивительно, что сепаратистские настроения среди русского населения в сибирском регионе только усиливались. Из-за того, что «сибиряки» были выходцами из культурного пограничья и репрезентировали себя как знатоки языка и культуры местного населения, областники предложили свой проект для продвижения нерусского населения азиатской части в общероссийское

пространство. Как они считали, из-за своей географической и исторической специфики Сибирь должна была стать новым центром этой области, поскольку она не является жертвой таких цивилизационных травм, как Москва и Петербург: «если же Сибирь – колония, то этот статус может послужить стимулом для превращения этнических русских, проживающих на ее территории, в основу для будущей сибирской нации (как произошло с английскими поселенцами в Северной Америке)» [29, 51].

В целом сравнение Сибири с Америкой как, впрочем, и обращение областников к инородческой теме, мы считаем не случайным явлением, а связанным с немецкой тенденцией романтизма. Так, в своей статье о сибирской литературе (1928) М. Азадовский пишет, что впервые термин «сибирская литература» была использована как ни странно не в русской, а в немецкой литературе в книге Генриха Кенинга, «Literarische Bilder ans flussland», вышедшей в 1837 году в Штеттине. В своей книге автор призывает европейского читателя «если он сколько-нибудь дорожит многосторонностью вкуса и беспристрастием в суждениях, должен, наконец, высвободиться из-под исключительной опеки одних главных литератур и побольше обратить внимание на богемскую, польскую и русскую литературы, чем сколько обращали его доселе, даже в ученом мире, особенно на русскую; потому что она, кроме общего интереса, представляемого каждою малоизвестною литературою, важна для нас и потому, что составляет выражение внутренней жизни такого народа, который, по своему политическому значению, привлекает на себя внимание Европы. Может быть, тот мрачный взгляд, которым смотрим мы искоса на политику России, прояснится, когда обратим его на литературу этой страны. Недавно, по случаю трагической смерти Пушкина,

многочисленные известия о сем знаменитом муже убедили нас, что и Россия, которую мы, обыкновенно, считаем полуазиатскою, полуварварскою странюю, может в своем холодном климате производить людей с душою, способною к высокой поэзии...<...> Желательно, чтобы ныне, когда вся производительная сила западных народов спит и видит что-нибудь новое, неслыханное, воспользовались мы этою свежесою почвой Востока и разработали эту литературу, которая, во всяком случае, будет интересна для нас хоть прелестью новизны, – не потому только, что она молода и свежа, но и потому, что производит на своей недавно возделанной почве совершенно своеобразные жизненные отношения» [30, 3]. Хотя Г. Кенинг делал подобные высказывания в начале XIX века, но они не утратили своей актуальности и в начале XX века. Так, по мнению В. Тольца, «на второй стадии увлеченности Европы Востоком два народа, формирование национальной идентичности которых проходило особенно нестабильно из-за модернизации, – немцы и русские – предприняли максимально радикальные и весьма многообещающие усилия по переосмыслению того, что означает Восток для Европы» [31, 6]. Причем исследуя русскую литературу, Г. Кенинг он особое внимание уделял литературе Сибири, где «Куперы и Ирвинги являлись джюжинами», сравнивая при этом Сибирь с Америкой: «Природа здесь также величественна, как в Америке <...> Во многих отношениях она напоминает собою Америку. Культура обеих стран, разумеется, неравная, распространяется однако ж одинаковым образом; в Северной Америке с Востока на Запад, – в Сибири с Запада на Восток, так что обе цивилизации со временем столкнутся. Если северо-американские леса вплоть до Тихого Океана будут пройдены просвещением и англо-американская цивилизация утвердится на западных берегах, то необходимо явится тогда у

Америки свое сношение с Сибирью, если не через Камчатку, то через Охотское море» [30, 7]. Таким образом, частое сравнение областников Сибири с Америкой (как аграрной колонии, которая стала независимой от метрополии) было продолжением тенденции немецкого романтизма. Так, в рецензии Э. Петри на книгу Н.М. Ядринцева интересно сравнение сибиряка с персонажем, который стал воплощением идей британского империализма: «Подобно тому, как англичанин в Северо-американских Соединённых Штатах преобразился в янки, славянин в Сибири с одной стороны, под влиянием измененных природных условия, а вместе и измененного образа жизни, с другой – под влиянием смешения с инородцами и упомянутой способности к приспособлению к монгольскому характеру, подвергся замечательному превращению в “сибиряка” <...> он выработал “способности Робинзона”, как метко заметил Н.М. Ядринцев» [32, 93]. А.С. Сорокин в раннесоветский период репрезентировал свои произведения о казахах так: «если Джек Лондон умел заинтересовать читателей описанием вымирающих тихоокеанских дикарей, не более ли благодарная тема о строительстве жизни обреченных когда-то на смерть?» [33, 136]. Г.Д. Гребенщиков, эмигрировав в Соединенные Штаты, часто сравнивал ее природу с Алтаем. Таким образом, Сибирь как Азиатская часть России (с автохтонами, имеющими экзотичную культуру и образ жизни) для «сибиряков» служила брендом, (который, как считали областники, могли репрезентировать только они, поскольку хорошо знали язык и культуру автохтонов) и оставалась столь популярной как в начале XIX века, так и в начале XX века. Востребованность в этнических выставках не только в Москве и Петербурге, но и в Европе, хорошо описана в статье Е. Савицкого «Как купец Калинин в Вене в 1882 году самоедов показывал: покорность и сопротивление «все равно что

животные»» [34]. Автор в статье упоминает, что в 1882 году в Вене проходила этническая выставка самоедов, которая в течение нескольких лет успешно гастролировала и по другим городам Европы, а в 1879 году в этом же городе рекламировали показ зулусов. У А.С. Сорокина в рассказе «Непонятная песня», тоже упоминается о подобной выставке: «На Первой западно-сибирской выставке в Омске, недалеко от красиво выстроенных павильонов, стояли юрты киргиз. Немногие заходили посмотреть эти юрты. Иногда из одной юрты выходил молодой киргиз с балалайкой, садился возле юрты и пел. Собирались киргизы из других юрт вокруг певца, а иногда подходили посетители выставки и, послушав две-три минуты непонятную, монотонную, заунывную песню, шли дальше» [33, 14].

При этом авторы вновь попадают в «ловушку» ориентализма, так как Казахская степь и казахи-кочевники в их произведениях репрезентируются как идиллическое пространство, сохранившее свою первозданность и чистоту. Тем самым этот зеркальный образ периферии, противопоставленный метрополии, не дает нам ничего нового кроме уже сложившегося стереотипа о казахах-кочевниках в русской литературе. Так, например, Г.Д. Гребенщиков в своем предисловии к поэме Г. Зелинского «Киргиз» (переводчиком на русский язык которого он является) пишет следующее: «Там, где еще вчера колыхались серебристые волны степных ковылей и царствовал патриархальный, почти библейский, праотцев Авраама и Исаака, уклад жизни...<...> Пройдет еще немного лет и полная поэзии кочевая жизнь превратится в скучную прозу безропотной ноши мужицкого ярма, под тяжестью которого уже не воскреснут смелые взмахи минувшей удали, и умрут последние воспоминания о былых красотах степного простора» [35, 50]. Или в рассказе «Степь да небо»: «Иду, гляжу по сторонам и думаю: я правнук Авраама, людей

на земле еще так мало, что во всем просторе только я один... Я верю этому и не могу не верить, потому что вокруг на необозримое пространство вижу только степь, да небо, и такая тишина, такой простор, что даже я – убогий странник – кажусь себе значительным и важным, как мудрый патриарх, достойный правнук Авраама...» [36, 67]. Данный романтический и экзотичный образ, который сформировался уже в начале XIX века, мы встречаем у А.И. Левшина «образ жизни киргизов есть живая картина времен патриархальных. <...> Люди с воображением пылким могут, глядя на киргизов, представлять себе беспечных пастухов счастливой Аркадии, или спокойных современников Авраамовых; могут мечтать о мнимом блаженстве людей, не знакомых с пороками, царствующими в больших городах; могут искать у них предметов для эклог и идиллий» [37, 295], потом у Ф.М. Достоевского в «Преступлении и наказании»: «там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стада его» [38, 121] и далее в дневнике у Г.Н. Потанина «картины кочевого быта большого киргизского народа, напоминающие страницы Библии о временах Авраама» [39, 67].

Образ идиллического «музея под открытым небом», первозданности, мира, в противоположность империи, отсутствие капитала, модерна особенно остро ощущается авторами в годы Первой мировой войны. Из истории известно, что в годы Первой мировой войны казахи должны были привлекаться на тыловые работы, что вызвало волну народного недовольства в степи. Здесь можно сравнить рассказ Г.Д. Гребенщикова «Каркаралинский мещанин» (1916) и А.С. Сорокина «Бесекей» (1917). Казахская степь у А.С. Сорокина

изображается как идиллическое пространство мира и природы, в противовес метрополии и модерну «Бесекей жил тихо, спокойно в степи около озера Кобугай, в долине Карасу. Радовался радостью Бесекей, которую не знают в городах, и думал Бесекей, что проживет всю жизнь: скотина, слава богу, есть – чего надо? Дочь маленькая есть – чего надо? Сын Тайгубай есть, такой же, как Бесекей, глаза и нос и рот такие же, голос такой же и такие же песни поет, так же играет и на балалайке и смешно ездит на лошадях» [33, 59]. У Г.Д. Гребенщикова «и самому мне хотелось тоже ничего не видеть и не слышать, а унести с простою песней Эмекея в бездорожную степь, за тридевять земель, в далекую и милую, с чистым воздухом и мирными людьми страну...» [36,120]. Таким образом, авторы повторяют романтический прием эскапизма, устоявшийся в русской литературе.

Оба произведения повествуют о Первой мировой войне, где участниками являются казахи (Эмекей у Г.Д. Гребенщикова и Бесекей у А.С. Сорокина). Если рассмотреть главных героев с позиции постколониальной теории, то их можно отнести к субалтернам. Они слабо интегрированы в общеимперское пространство – насильственный призыв на войну, является попыткой интеграции. Так как они слабо владеют русским языком, то у них нет своего «голоса», например, у А.С. Сорокина «ехали киргизы, и провожали их старые матери, на тюках из кошмы сидели и ехали, молчали, ничего не говорили, как будто не о чем было говорить. Кто знает, о чем думали они» [33, 60]. Г.Д. Гребенщиков в плане репрезентации субалтерна идет дальше, его главный герой-инородец, стереотипно представленный как животное «Так што, ваш блародь, он по-русски не умеет...<...> Чисто с ним и смех и грех!.. Так он и послушный, и старательный, а только што потехи много... Как облезьяна: посмотрит –товарищ сморкается, и он давай себе сморкаться!.. Ну, всем, понятно,

хаханы» [36, 115], по мере развития сюжета оказывается образцом нравственности (его искренняя любовь к животным выражается в уходе за полковыми лошадьми). Казахи-кочевники противопоставлены «другим», которые говорят за них – А.С. Сорокин называет их «люди города»: «Приехали, дали киргизам лопаты, и стали они рыть землю, потом видели, как в ямы длинные, выкопанные киргизскими руками, прятались люди из города и стреляли из ружей, потом убитых и раненых хоронили люди города» [33, 61], а Г.Д. Гребенщиков – «москвичи»: «И, как это ни странно, на москвичей крепкое слово, кинутое даже Эмекеем, действует неотразимо-вразумительно» [36,118]. Главный герой А.С. Сорокина в окружающей какофонии слышит призыв к сопротивлению: «и спрашивает Бесекей соседа: – Ты не слышишь, как говорят железные колеса? Джигылган куруске тоймайды, тоймайды, тоймайды... – Нет, – сказал сосед, – этого я не слышу. Да и подумай ты сам, что ты можешь сделать побежденный? В борьбе не потеряешь охоты к мести, говоришь ты, но что ты можешь сделать? Подумай» [33, 60], но потом принимает своё бессилие. Авторы используют прием самоориентализации, репрезентируя себя как «сибиряков», знающих язык и культуру казахов-кочевников. Имперской войне и модерности они противопоставляют мирные песни кочевников, Г.Д. Гребенщиков: «Эмекей сидел на пне, раскачивался из стороны в сторону и, ударяя по самодельным струнам из конского волоса, натянутым на простой дощатой балалайке, закрыв глаза, тянул:

*Эй-гэй-гэй-гэ-э-э-эй,
Минь айгыр чапчан джурды,
Кыздар-ды эмес джоллды-ы-ы-ы...*

Слова его вновь покрылись дружным хохотом, но он как будто ничего не слышал и не видел перед собой и, так же мерно раскачиваясь, рубил по дребезжающим струнам балалайки, и со всей страстью

степной природы продолжал импровизировать. А команда смеялась пуце прежнего над Эмекеем, не понимая его слов, которые были понятны только ему да мне» [36,120], А.С. Сорокин: «И стал Бесекей делать балалайку и когда сделал, то стал петь песню на земле чужой: – Тургун джергенъ джер яни, ни алган тентек омутул. <...> («Где я жил, где вырос, на родной стороне, на родной стороне земле – матери степи, какой строптивый человек забыть не может») И, бросив лопаты, слушали киргизы и плакали, и так хорошо пел Бесекей, из самого сердца, от самой души исходила эта песня, песня о родине. Всю тоску отдала душа Бесекея, и остановилось, утрашишь чрезмерной тоски, сердце человеческое, тоскующее о своей родине, о сынишке своем Тайгубае, о жене своей Олаче, о дочке Байлю» [33, 62]. В итоге отсталые и наивные «дети степи» своей философией пацифизма выглядят нравственно чище и добрее русских «этот маленький, копченый на солнце и в дыме юрты человек казался мне таким родным, значительным, сохранившим чистое, отзывчивое сердце и огромную любовь к животным, с которыми он сжился еще в детстве, там, в родных просторах каркаралинских степей...» [36,119]. Учитывая, что рассказы написаны на русском языке и обращены к «своим», ужас от войны в рецепции дикаря, выполняет роль «взгляда извне»: «Видел Бесекей, как летали железные птицы стаями журавлиными, а там вдали трещали, гремели, ревели железные голодные звери. И думал Бесекей: «Вот возвращусь на родину, так там расскажу, что видел так много, что до конца жизни хватит рассказывать» [33, 61]. В итоге главные герои-аборигены в произведении выполняют роль культурно-психологического зеркала, обличая имперские пороки.

Таким образом, в данных рассказах сибирские писатели Г.Д. Гребенщиков и А.С. Сорокин под влиянием областнических идей,

используя прием «восточной маски» и самоориентализации, показали «глазами дикаря» не только нравственное разложение в годы Первой мировой войны, но и собственный статус субалтерна и «инаковости», выражая с помощью образов «других», в т.ч. казахов, областнические идеи. Образ Казахской степи и казахов сыграл семиотическую роль свободной периферии от капитала, войны, имперского центра. Получилась своеобразная оппозиция двух миров: цивилизованного, но зависимого от капитала и имперских войн, и дикого, где отсутствуют деньги и вместо закона есть

мудрый обычай, тем самым повторяя нарратив эскапизма, сложившийся в русской культуре под влиянием немецкого романтизма. Имагология Казахской степи, как части Сибири, в творчестве **сибирских писателей – это попытка сопротивления subaltern'a обрести собственный «голос»** через «восточную маску» и противостоять метрополии с ее «темной» стороной модерности. При этом в репрезентации Казахской степи и казахов-кочевников, романтизируя и экзотизируя их, они не смогли выйти за рамки русского ориентализма.

Использованная литература:

1. Dyserinck H. Von Ethnopsychologie zu Ethnoimagologie: über Entwicklung und mögliche Endbestimmung eines Schwerpunkts des ehemaligen aachener Komparatistikprogramms // *Neohelicon*. 2002. XXIX. 1. P. 57–74.
2. Neumann B. Towards a Cultural and Historical Imagology // *European Journal of English Studies*. 2009. Vol. 13, № 3. P. 275–291. DOI: 10.1080/13825570903223491
3. Świdarska M. Comparativist Imagology and the Phenomenon of Strangeness // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2013. Vol. 15, is. 7. URL: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2387&context=clcweb>. DOI: 10.7771/1481-4374.2387
4. Leerssen J. Stranger/Europe // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. 2017. № 9, 2. P. 7–25. DOI: 10.1515/ausp-2017-0014
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 146.
6. Фетисов М. И. Первые русские повести на казахские темы. Алма-Ата, 1950. 154 с.
7. Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана (30-е –50-е годы 19 века). М., 1956. 383 с.
8. Кереева-Канафиева К.Ш. Русско-казахские литературные отношения: вторая половина XIX – первое десятилетие XX в. Алма-Ата, 1980. 280 с.
9. Исаев Г.Г. Код исламской культуры в творчестве русских писателей. Астрахань, 2009. 261 с.
10. Умарова Г.С. В.И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах: Монография. Уральск, 2012.
11. Худенко Е.А. Образ Азии в «сибирском дневнике» М.М. Пришвина
12. Власова Г.И. Казахстанский культурный текст в современной литературе
13. Габдуллина В.И. Формирование «казахского текста» в русской литературе
14. Маркина П.В. Имагологический дискурс в произведениях Антона Сорокина // *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ : Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, Барнаул, 24–26 сентября 2020 года / Науч. ред. Н.А. Матвеева. Отв. редактор Т.П. Сухотерина. Барнаул, 2020. С. 322–326.*
15. Шастина Т.П. Творение мира и смерть богов в мотивном комплексе повести Антона Сорокина "Алтай и города" // *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 2(51). С. 402–405.
16. Хомяков В.И. "Киргизская" тема в прозе А. Сорокина // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. 2015. № 2(47). С. 97–101.
17. Хомяков В.И. Евразийское начало в творчестве А. Сорокина // *Культурное наследие Северной Евразии: проблемы и перспективы освоения: Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. Якутск, 2014. С. 358–364.*
18. Елеукунов Ш.Р. Евразийский талисман. О литературных истоках движения // *Евразийский талисман*. Алматы, 1996.С. 7–45.
19. Царегородцева С.С. Идеи евразийства в творчестве Г.Д. Гребенщикова // *Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции : материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 15–16 сентября 2011 года / Отв. ред. В.И. Габдуллина. Барнаул, 2011. С. 137–146.*
20. Первый Сибирский съезд писателей // *Сибирские огни*. 1926. №3. С. 224.

21. Said E.W. Orientalism. N.-Y., 1978. 368 p.
22. Said E.W. Culture and Imperialism. N.-Y., 1993. 380 p.
23. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., 2006. С.10.
24. Найт Н. О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. – М., 2005. – С. 323–344.
25. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / Пер. с англ. П.С. Бавина. М., 2019. 285 с.
26. Алексеев П.В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. Томск, 2015. 348 с.
27. Литературное наследство Сибири: в 8 т. Т. 6. Григорий Николаевич Потанин. Воспоминания. Новосибирск, 1983.
28. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1889.
29. Панченко А.Б. «Сибирь» или «Азиатская Россия» – областничество между имперским и национальным дискурсами // Studia Cultirae. 2016. № 1 (27).
30. Сибирский литературно-краеведческий сборник // под ред. М.К. Азадовского и Ис.Г. Гольдберга., Иркутск, 1928.
31. Тольц В. Собственный Восток России» Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период // Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.
32. Сибирский сборник: научно-литературное периодическое издание: приложение к «Восточному обозрению» / под ред. Н.М. Ядринцева. Кн. 1. СПб., 1886.
33. Сорокин А.С. // Голос степного края. Омск, 2014.
34. Савицкий Е. Как купец Калинин в Вене в 1882 году самоедов показывал: покорность и сопротивление «все равно что животные» // Новое литературное обозрение, 2020. №1 (161). – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21975/ (дата обращения: 28.12.2024).
35. Зелинский Г. «Киргиз» // Абай: республиканский независимый фольклорно-этнографический литературно-художественный журнал. 1996. № 3 (31).
36. Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений в шести томах. Барнаул: Барнаул, 2013. Т. 2: Сибирь – Петроград – Юго-Западный фронт.
37. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
38. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. СПб., 2011.
39. Литературное наследство Сибири: в 8 т. Т.6. 1983.

References:

1. Dyserinck H. Von Ethnopsychologie zu Ethnoimagologie: über Entwicklung und mögliche Endbestimmung eines Schwerpunkts des ehemaligen aachener Komparatistikprogramms // Neohelicon. 2002. XXIX. 1. P. 57–74.
2. Neumann B. Towards a Cultural and Historical Imagology // European Journal of English Studies. 2009. Vol. 13, No. 3. P. 275–291. DOI: 10.1080/13825570903223491
3. Świdarska M. Comparativist Imagology and the Phenomenon of Strangeness // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2013. Vol. 15, is. 7. URL: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2387&context=clcweb>. DOI: 10.7771/1481-4374.2387
4. Leerssen J. Stranger/Europe // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 2017. No. 9, 2. P. 7–25. DOI: 10.1515/ausp-2017-0014
5. Dostoevsky F.M. Complete Works: in 30 volumes. L., 1984. Т. 26. P. 146.
6. Fetisov M. I. The first Russian stories on Kazakh themes. Alma-Ata, 1950. 154 p.
7. Fetisov M. I. Literary connections between Russia and Kazakhstan (30s-50s of the 19th century). М., 1956. 383 p.
8. Kereeva-Kanafieva K. Sh. Russian-Kazakh literary relations: the second half XIX – first decade of XX century. Alma-Ata, 1980. 280 p.
9. Isaev G.G. Code of Islamic culture in the works of Russian writers. Astrakhan, 2009. 261 p.
10. Umarova G.S. V.I. Dal : the world of the Kazakh ethnos in documentary-scientific and artistic texts: Monograph. Uralsk, 2012.
11. Khudenko E.A. The image of Asia in the "Siberian diary" of M.M. Prishvin
12. Vlasova G.I. Kazakh cultural text in modern literature
13. Gabdullina V.I. Formation of the “Kazakh text” in Russian literature
14. Markina P.V. Imagological discourse in the works of Anton Sorokin // Fundamental problems of the humanities: experience and prospects for the development of research projects of the Russian Foundation for Basic Research: Materials

All-Russian scientific conference with international participation, Barnaul, September 24–26, 2020 / Scientific editor N.A. Matveeva. Responsible editor T.P. Sukhoterina. Barnaul, 2020. Pp. 322–326.

15. Shastina T. P. The creation of the world and the death of the gods in the motivic complex of Anton Sorokin's story "Altai and the cities" // *The world of science, culture, education*. 2015. No. 2(51). P. 402–405.

16. Khomyakov V.I. "Kyrgyz" theme in the prose of A. Sorokin // *Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin*. 2015. No. 2 (47). P. 97–101.

17. Khomyakov V.I. Eurasian origin in the works of A. Sorokin // *Cultural heritage of Northern Eurasia: problems and prospects of development: Collection of materials of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of L.N. Gumilyov*. Yakutsk, 2014. Pp. 358–364.

18. Eleukenov Sh.R. Eurasian talisman . On the literary origins of the movement // *Eurasian talisman*. Almaty, 1996. Pp. 7–45.

19. Tsaregorodtseva S.S. Ideas of Eurasianism in the works of G.D. Grebenshchikova // *Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration: materials of the International scientific and practical conference*, Barnaul, September 15-16, 2011 / Ed. V.I. Gabdullina. Barnaul, 2011. Pp. 137-146.

20 . The First Siberian Congress of Writers // *Siberian Lights*. 1926. No. 3. P. 224.

21. Said E.W. *Orientalism*. N.-Y., 1978. 368 p.

22. Said E.W. *Culture and Imperialism*. N.-Y., 1993. 380 p.

23. Said E. V. *Orientalism. Western concepts of the East* / translated from English by A. V. Govorunov. St. Petersburg, 2006. P. 10.

24. Knight N. On Russian Orientalism: A Response to Adib Khalid // *The Russian Empire in Foreign Historiography. Works of Recent Years*. – Moscow, 2005. – P. 323–344.

25. Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism: Asia in Russian consciousness from the era of Peter the Great to the White Emigration* / Translated from English by P.S. Bavina. Moscow, 2019. 285 p.

26. Alekseev P.V. Conceptual sphere of oriental discourse in Russian literature of the first half of the 19th century: from A .S. Pushkin to F.M. Dostoevsky. Tomsk, 2015. 348 p.

27. *Literary heritage of Siberia: in 8 volumes. Volume 6. Grigory Nikolaevich Potanin. Memories*. Novosibirsk, 1983.

28. Yadrintsev N.M. *Siberia as a Colony*. SPb., 1889.

29. Panchenko A.B. "Siberia" or "Asian Russia" – regionalism between imperial and national discourses // *Studia Cultirae*. 2016. No. 1 (27).

30. *Siberian literary and local history collection* // edited by M.K. Azadovsky and I.G. Goldberg., Irkutsk, 1928.

31. Tolts V. "Russia's Own East" Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and early Soviet period // *New Literary Review*, 2013. 332 p.

32. *Siberian collection: scientific and literary periodical: supplement to the "Eastern Review"* / edited by N.M. Yadrintsev. Book 1. St. Petersburg, 1886.

33. Sorokin A.S. // *Voice of the steppe region*. Omsk, 2014.

34. Savitsky E. How the merchant Kalintsov showed the Samoyeds in Vienna in 1882: submission and resistance are "the same as animals" // *New Literary Review*, 2020. No. 1 (161). - URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21975/ (date of access: 12/28/2024).

35. Zelinsky G. "Kirghiz" // *Abay: republican independent folklore-ethnographic literary and artistic magazine*. 1996. No. 3 (31).

36. Grebenshchikov G.D. *Collected Works in Six Volumes*. Barnaul: Barnaul, 2013. Vol. 2: Siberia - Petrograd - Southwestern Front.

37. Levshin A.I. *Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppes*. Almaty, 1996.

38. Dostoevsky F.M. *Crime and Punishment*. St. Petersburg, 2011.

39. *Literary Heritage of Siberia: in 8 volumes. Vol. 6*. 1983.

Сведения об авторе:

Дюсекенев Дамир Нурулланович

Лауазымы: PhD доктор, Alikhan Bokeikhan University

Пошталық мекен-жайы: 071410, Қазақстан Республикасы, Семей қаласы, ул.Глинки 20а,

Ұялы тел. 87477431872

E-mail: dysekenev81@mail.ru

Автор туралы мәлімет:

Дюсекенев Дамир Нурулланович

Должность: PhD, Alikhan Bokeikhan University

Почтовый адрес: 071410, Республика Казахстан, г. Семей, ул. Глинки 20а

Сот. тел: 87477431872

E-mail: dysekenev81@mail.ru

Information about the author:

Dyussekenev Damir Nurullanovich

Position: doctor PhD, Alikhan Bokeikhan University

Mailing address: 071410, Republic of Kazakhstan, Semey, Glinka St. 20a

Mob.phone: 87477431872

E-mail: dysekenev81@mail.ru